

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И МИРОТВОРЧЕСТВО

По материалам постоянно действующей грузино-абхазских конференций, организованной Калифорнийским университетом (г. Ирвайн) в 1999-2001 годах

На данном этапе, когда процесс грузино-абхазского урегулирования на официальном уровне, несмотря на активную работу ООН, ОБСЕ, других международных организаций и государств-посредников, фактически находится в тупиковом состоянии, особенно актуальным видится использование ресурса народной (неформальной) дипломатии. Проект Калифорнийского университета (г. Ирвайн), имеющий целью содействовать конструктивному диалогу между широкими кругами представителей грузинской и абхазской общественности, по сравнению с другими подобными проектами, более «плотно» занят разработкой теоретических и практических основ народной дипломатии. В результате появилось несколько уникальных в своем роде книг-сборников о различных аспектах абхазо-грузинского конфликта. Авторы статей, опубликованных в этих сборниках, – грузины и абхазы, участники постоянно действующей научно-практической конференции, организованной в рамках названного проекта.

Народная (неформальная) дипломатия с начала же мыслилась в проекте как самая приоритетная тема для изучения. Поэтому, неслучайно, что первый сборник носил название: «Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе». В предисловии к нему профессор Калифорнийского Ирвайнского университета г-жа Пола Гарб, благодаря стараниям которой родился этот проект, подытоживая результаты первого года коллективной работы, очертила следующие основные задачи:

1. Содействие конструктивному диалогу и сотрудничеству между представителями обеих сторон грузино-абхазского конфликта;
2. Внесение вклада в теорию конфликтологии путем использования методологий, позволяющих проследить влияние неофициальной дипломатии на участников этого проекта;
3. Распространение результатов проекта, как в регионе, так и среди международных организаций и специалистов, занимающихся разрешением конфликтов.

В предисловии говорится также, что «Предлагаемые исследования раскрывают отношение к официальной и неофициальной дипломатии среди граждан с обеих сторон, а также потенциалы и препятствия в разрешении конфликта».¹

В дальнейшем обозначились и другие приоритетные темы, но проблема народной дипломатии постоянно присутствует и в последующих сборниках грузино-абхазской конференции (вып.: 2, 4, 5, 7, 8). Кроме того, те или иные аспекты народной дипломатии затрагиваются в выпусках, описывающих встречи участников проекта с абхазской и грузинской общественностью в Сухуми и Тбилиси в 1999 и 2000 гг. (вып.: 3 и 6).

Прежде чем приступить к рассмотрению статей, опубликованных в сборниках грузино-абхазской конференции, следует отметить, что отношение к народной дипломатии, в целом, не является однозначным. Так, многие известные профессиональные дипломаты и политтехнологи невысоко оценивают ее роль, которую, в лучшем случае, сводят к улаживанию остаточных проявлений конфликта после достижения мирной развязки на уровне официальной политики. В этом смысле не составляют исключения также современные Грузия и Абхазия, где существует большой разброс мнений по этому вопросу. Например, в газете «Литератури Сакартвело» от 22-28 февраля 2002 г. ректор Дипломатической академии Грузии С.Цинцадзе резко

отрицательно охарактеризовал народную дипломатию, которая, по его мнению, абсолютно не способна решать политические проблемы. Интересно, что, по совпадению, в те же дни, в официальном абхазском печатном органе «Республика Абхазия» (от 21-22 февраля 2002 г.) была опубликована статья под названием: «Зачем смотреть на Тбилиси и делить ответственность с агрессором», где весьма негативно оцениваются неформальные встречи между представителями абхазских и грузинских неправительственных структур.

Авторы, отрицающие эффективность народной дипломатии, для подтверждения своей правоты, нередко, ссылаются на затяжные конфликты в Азии (палестинский, кашмирский и др.) и в Черной Африке, где, несмотря на солидное вложение сил и средств, использование методов народной дипломатии не принесло ощутимых результатов. Однако возникает встречный вопрос: добилась ли установления прочного мира в этих регионах официальная дипломатия, располагающая неизмеримо большими возможностями?

Складывается впечатление, что профессиональные дипломаты, политики и близкие к ним круги не всегда четко понимают цели народной дипломатии, или неформального (гражданского) миротворчества (если словосочетание «народная дипломатия» для них неприемлемо²).

На неформальных встречах представителей противостоящих сообществ, конечно же, не могут, решаться конкретные вопросы политического урегулирования, но они подготавливают общественное мнение к мирной развязке и необходимым для этого взаимным уступкам, расширяя, таким образом, поле для маневра официальным лицам. Народная дипломатия не может подменить профессиональную, но она должна делать свое дело параллельно ей, а не тянуться вслед. Об этом так пишет Георгий Анчабадзе (*Институт истории и этнологии АН Грузии*) в первом сборнике материалов грузино-абхазской конференции: «Урегулирование этнических конфликтов – прерогатива государственной власти, официальной дипломатии. Однако народная (неформальная) дипломатия создает благоприятные условия для действия официальных структур. Она призвана способствовать ослаблению межэтнической напряженности, преодолевать «образа врага» и, как следствие этого, нейтрализации конфликта, то есть отказу сторон от силовых действий и продолжению политической борьбы исключительно мирными средствами. При этом не следует думать, что народная дипломатия является «младшей сестрой» официальной дипломатии и копирует ее методы работы. Поле деятельности «неформальных дипломатов» значительно шире, ибо их усилия должны быть направлены не только на оппонентов из противостоящего лагеря, но и, не в меньшей степени, на трансформацию общественного мнения своей стороны, всех слоев общества».³

Важным моментом, определяющим успех нетрадиционной дипломатии является ее массовость. Как справедливо отмечает Арда Инал-ипа (*Центр Гуманитарных Программ*), «Народная дипломатия не может быть эффективной, если процесс поиска взаимопонимания между двумя народами ограничивается узким кругом лиц. Общественность по обе стороны конфликта должна быть, по меньшей мере, хорошо информирована о развитии диалога. В противном случае, даже при успешной работе процесс позитивной трансформации затронет лишь участников встреч, не имея «пространства» для дальнейшего развития».⁴

В той же книге о роли общественных настроений в политической жизни современного Кавказа пишет Олег Дамения (*Институт экологии горных территорий Кабардино-Балкарского научного центра РАН при Адыгейском Государственном университете*): «...в условиях сложившейся сегодня на Кавказе ситуации только усилиями лидеров

противоборствующих сторон и других структур трудно добиться успеха в восстановлении стабильного мира в регионе. Если лидерам сторон в конфликте даже и удастся найти и принять взаимоприемлемое решение, что маловероятно при такой полярности позиций, то оно может обрести реальную силу лишь тогда, когда будет поддержано «низами», роль которых в последнее время, особенно в войне, заметно возросла. Ведь в этих конфликтах воевали друг против друга не регулярные войска, а именно они – «низы», разделившиеся накануне и в ходе войны по этническому признаку. Эта особенность... осложняет разрешение проблем полномасштабного урегулирования, поскольку участники конфликта хорошо знают даже на бытовом уровне друг друга. Сегодня «низы» – это не просто масса, не только социальная опора лидера, но также реальная, в том числе и военная, сила, с которой в политике нельзя не считаться. Поэтому лидерам часто приходится заигрывать со своими «низами», чтобы поддержать свой имидж».⁵

Другие участники рассматриваемых сборников также пишут о значении общественного мнения и народной дипломатии в деле урегулирования такого многомерного конфликта как грузино-абхазский. Например, Абесалом Лепсая (*Абхазский институт гуманитарных исследований*) пишет: «Этот конфликт охватил все уровни отношений между двумя народами, двумя общностями. Глубокая пропасть пролегла между массами людей и, если не преодолеть существующие противоречия и обиды на всех уровнях, то политическое соглашение окажется не более чем латанием дыры над бездной... Отсюда вытекает вся важность и все значение народной, неформальной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского противостояния».⁶

Еще более категоричны слова Нателлы Акаба (*Центр поддержки демократии и прав человека*): «Надо быть очень наивным человеком, чтобы полагать, что достаточно лидерам Абхазии и Грузии подписать некий документ, определяющий контуры политико-правовых взаимоотношений, как сам собой начнется процесс примирения, вернутся в свои дома беженцы, и оба сообщества приступят к мирному строительству... приходится сожалеть, что достижения конфликтологической науки, в частности, теория трансформации конфликта, еще не так часто находят практическое применение в рамках официального переговорного процесса».⁷

А.Лепсая упоминает о скандале, разразившемся в Абхазии, когда там стало известно, что на переговорах в Москве 25 июля 1995 г. был согласован, и даже завизирован, протокол грузино-абхазского урегулирования. Абхазская сторона позднее была вынуждена заявить о невозможности парафировать этот документ, предвидя, очевидно, резкую реакцию населения на него.⁸ Это наглядный пример того, как неподготовленность общества к решениям, принимаемым политиками, становится серьезным фактором, препятствующим их выполнению.

Говоря о необходимости соединить усилия профессиональной дипломатии и гражданской инициативы, Н.Акаба отмечает, что народная дипломатия должна рассматриваться не в качестве альтернативы официальному переговорному процессу, а в качестве импульса к расширению мирного процесса, хотя пока можно только мечтать о «дипломатии нескольких уровней», в которой помимо руководителей высшего уровня – официальных политиков – были бы вовлечены неформальные лидеры, т.е. лидеры среднего и низшего ранга – авторитетные старейшины, активисты НПО, представители академических и университетских кругов, религиозные деятели, локальные активисты.⁹

Сравнивая плюсы и минусы официальных и неофициальных переговоров, Н.Акаба отмечает, что на неформальных встречах легче спорить и говорить на неприятные темы, так как «если на официальных переговорах их участники связаны определенным мандатом и правилами дипломатического протокола, то встречи в рамках народной дипломатии проходят в неформальной обстановке и в ходе их могут затрагиваться

самые болезненные темы. На практике это может создавать проблемы, как для участников, так и для фасилитаторов, но на наш взгляд, открытость и искренность в конечном итоге принесут больше пользы, чем уход от острых и неприятных тем, ради соблюдения показного спокойствия и миролюбия».¹⁰

По мнению Н.Акаба, среди самых дискуссионных тем – истоки и причины грузино-абхазского конфликта. «Официальные посредники на переговорах, как правило, не считают полезным вновь и вновь возвращаться к истории, а утверждают, что надо устремиться в будущее. Подобная точка зрения противоречит теории трансформации конфликтов, да и просто логике войны и мира. Поскольку в основе каждого конфликта лежат неравенство и несправедливость, представляется чрезвычайно важным, чтобы каждая из сторон осознала, в чем, по мнению оппонентов, они заключаются. Нейтрализация наиболее болезненных моментов истории грузино-абхазских отношений явилась бы одним из первых шагов к построению долгосрочного мира. И сделать это под силу лидерам среднего уровня в рамках народной дипломатии. На следующем этапе можно было бы приступить к строительству новых мостов доверия между двумя сообществами, причем делать это надо с привлечением лидеров третьего (локального) уровня».¹¹

Вопрос отношения официальных лиц к неформальной дипломатии, касается в своей статье Паата Закареишвили (*Кавказский институт мира, демократии и развития*). Он пишет о наметившейся тенденции со стороны властных структур, взять под контроль, успешно развивающиеся связи между представителями НПО Абхазии и Грузии. Автор подчеркивает, что участники неформального процесса, без сомнения, стремятся сотрудничать с заинтересованными правительственными органами, но как равные партнеры, а не как сателлиты. Между тем, единственный интерес, который они чувствуют от правительства, – это попытка воспользоваться их каналами для пропаганды и влияния на позиции оппонентов и международных организаций.¹² Такая заинтересованность со стороны властей, это уже, фактически, косвенное признание определенных успехов НПО-сектора Грузии в народной дипломатии.

О результативности усилий представителей НПО (в данном случае уже абхазских) на пути неофициальной дипломатии, пишет Батал Кобахия (*Центр гуманитарных программ*). Во многих позициях они опережают шаги, предпринимаемые на официальном уровне, и не имеют резких скачков в стороны.¹³

Лиана Кварчелия (*Добровольцы ООН*) считает, что грузинские и абхазские неправительственные некоммерческие организации (НПО или НКО) прилагают усилия в области народной дипломатии в разных условиях. Международные организации отмечают гораздо большую готовность грузин к сотрудничеству с абхазской стороной в совместных проектах, чем у абхазов. Многие представители абхазских организаций объясняют это тем, что у грузинских НКО стремление к единым проектам и тесному взаимодействию совпадает с общим стремлением к объединению на государственном уровне. У абхазских же участников готовность взаимодействовать на уровне народной дипломатии сочетается со стремлением к независимости собственного государства.¹⁴

Кстати говоря, среди абхазских НКО нет однозначного мнения относительно контактов с грузинскими представителями. Некоторые считают, что контакты на любом уровне способствуют лишь восстановлению единого пространства с Грузией. Однако, по мнению Л.Кварчелия, поскольку у Абхазии конфликт произошел именно с Грузией, с ней в первую очередь и нужно говорить об урегулировании, что вовсе не означает отказа от независимости. Вместе с тем, Л.Кварчелия считает, что народная дипломатия не в силах решить глобальные проблемы, и не ставит таких целей.¹⁵

Незначительной, или не очень заметной, считает роль народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта Манана Гургулия (*Фонд «Гражданская инициатива и человек будущего»*).¹⁶ Причины этого она видит в этнической неприязни и недоверии, возникших из-за столкновения национальных интересов, кровопролитной войны и послевоенного прессинга на Абхазию. Однако далее Автор пишет: «Если народная дипломатия не играет очень заметную роль собственно в урегулировании конфликта, то в его трансформации, переводе из насильственной в ненасильственную форму, она может оказаться незаменимой».¹⁷ В этой фразе на первый взгляд имеется некоторое противоречие. Ведь трансформация конфликта – важная составляющая урегулирования, и признавая возможности народной дипломатии в этом отношении, нельзя говорить об ее незначительной роли в вопросе урегулирования в целом. Видимо, под урегулированием в узком понимании («собственно урегулирование») М.Гургулия видит политическое решение конфликта, что действительно не является задачей народной дипломатии, это дело политиков. Но как отмечает Автор: «Переговоры по политическому урегулированию... не всегда встречают поддержки со стороны всего населения. Радикально настроенная часть общества, а она есть и в Грузии и в Абхазии, опасается переговоров, возможных компромиссов».¹⁸ Поэтому трудно добиться политического решения конфликта, если общество не будет к нему готово, не преодолеет этническую неприязнь и недоверие, «образ врага», сформированный в условиях конфликта. Вот в деле решения этих задач народная дипломатия может сыграть очень важную роль, считает М.Гургулия. Преодоление поствоенного синдрома, в том числе, «образа врага», необходимо не только для того, чтобы приблизить момент политического решения проблемы, но и для внутреннего оздоровления общества, травмированного конфликтом. Трудно не согласиться с нижесказанными словами М.Гургулия: «Образ врага опасен еще и тем, что при исчезновении внешнего врага начинаются поиски внутреннего, а тут недалеко и до «охоты на ведьм»».¹⁹

Б.Кобахия выделяет «смешанный тип дипломатии» – официальной и народной (неофициальной), когда в переговорном процессе принимают участие представители сторон на уровне различных ведомств в низовых структурах власти с привлечением лидеров или влиятельных людей. Данный процесс находится под контролем официальных структур, однако результаты его не протоколируются, а использование элементов народной дипломатии придает встречам неофициальный характер и способствует быстрому принятию решений. Автор отмечает, что тематика договаривающихся сторон при этом, как правило, сужена, привязана к локальным проблемам и не преследует долгосрочных интересов. В отличие от договоренностей на официальном уровне, результаты таких переговоров реализуются в ускоренном режиме.²⁰

Примерами «смешанной» дипломатии Б.Кобахия считает переговоры в Латах (Кодорское ущелье) в 1994 г., благодаря которым в северо-восточной Абхазии на несколько лет были приостановлены боевые действия, отдельные контакты и соглашения в Гальском районе, а также договор о совместной эксплуатации Ингурской ГЭС.²¹

Соглашение по Ингурской ГЭС относит к сфере народной дипломатии и Л.Кварчелия²², однако я в данном вопросе не согласен с этими авторами. ИнгурГЭС является жизненно важным источником энергии для обеих сторон конфликта, значение которого для Грузии и Абхазии трудно переоценить. Между тем, пользоваться гидроэлектростанцией грузины и абхазы могут только сообща: уникальный с архитектурной точки зрения каскад разделен надвое между противостоящими сторонами. Плотины и часть деривационного туннеля находятся на грузинской стороне, а другая часть того же туннеля, подземная электростанция, перепадная ГЭС и еще три электростанции – на

абхазской. Это вынуждает их к сотрудничеству в области энергетики. В подписанном меморандуме грузинская и абхазская стороны заявляют: что бы ни случилось, они примут все меры, приложат все силы для обеспечения безопасности Ингурской ГЭС. Таким образом, соглашение о совместном использовании гидростанции носит характер межгосударственной договоренности. Элементы народной дипломатии, конечно, могут, и будут иметь место в ходе совместного обслуживания и охраны объектов гидроузла, но их значение в деле спасения и дальнейшей эксплуатации ИнгурГЭСАа, конечно, далеко уступает соглашению, заключенному, фактически, на высоком политическом уровне.

Часть грузинских участников конференции, изучила вопрос о роли народной дипломатии в глазах определенных социально-профессиональных групп населения Грузии. В частности, по наблюдениям Марины Элбакидзе (*Кавказский институт мира, демократии и развития*) в менталитете большей части грузинских граждан не сформировано и однозначно не определено понятие народной дипломатии. Эффективность народной дипломатии в различных ситуациях оценивается по-разному: иногда ее расценивают как единственный механизм урегулирования конфликта, а иногда скептически смотрят на эти «неофициальные игры». Для своего социологического исследования М.Элбакидзе выбрала метод фокус-групп: 1) студенты; 2) интеллигенция; 3) журналисты и представители НПО; 4) безработные; 5) работающие.

На основе данных общей выборки, М.Элбакидзе приходит к выводу, что население Грузии занимает пассивную гражданскую позицию, но чувствуется, что большинство готово в определенной ситуации – при наличии внешнего толчка – включится в процесс народной дипломатии. Особенно высокую готовность проявили студенты, а также те, кто уже участвовал в народной дипломатии, имеет родственников абхазов или жил в Абхазии (не беженцы).

Автор считает нужным активизировать и использовать этот положительный потенциал, привлечением таких граждан к сотрудничеству с организованными группами народной дипломатии.²³

Вторая статья М.Элбакидзе посвящается исследованию позиции грузинских военных о роли народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте. Опрос проводился среди действующих офицеров, принимавших участие в войне 1992-1993 гг., а также, не воевавших солдат срочной службы. Представители офицерской группы считают, что народная дипломатия, в случае поддержки со стороны правительства, может создать определенный фон, но главное в разрешении конфликта – это политика и сила. Солдаты, как выяснилось, были мало информированы о сущности народной дипломатии, почти ничего не знали о деятельности НПО.

По заключению М.Элбакидзе, относительно низкая оценка эффективности народной дипломатии в военных группах, вызвана в основном дефицитом информации. Автор считает необходимым изучать уровень информативности, эмоциональный настрой и потенциальную активность субъектов конфликта (с учетом множества социальных групп) и, соответственно, направлять действия народной дипломатии.²⁴

Нодар Сарджвеладзе (*Фонд развития человеческих ресурсов*) исследовал видение роли народной дипломатии грузинскими беженцами из Абхазии. Опросы проводились в Тбилиси и Зугдиди, в центрах компактного проживания вынужденно перемещенных лиц. Как оказалось, многие беженцы не понимают, что означает народная дипломатия, другие же считают, что польза от народной дипломатии – очень большая. По заявлению мужчины-педагога из Гальского района «народная дипломатия может принести больше пользы, чем афинская встреча политиков». Простую истину, игнорируемую, нередко, политиками, изрек мужчина средних лет: «...нельзя сегодня их называть сепаратистами, а завтра садиться за столом переговоров». Беженцы часто отмечали, что они с охотой

включились бы в процесс народной дипломатии. Рассказывали, что некоторые из них вступили в переговоры с главой абхазской администрации Гальского района, но подверглись за это критике и даже угрозам, их объявили предателями. В других случаях, на самостоятельные попытки установить контакт, не отреагировала абхазская сторона.

В плане перспективных шагов народной дипломатии, предложения беженцев скудны, однако ими названы такие мероприятия как встречи старейшин и пожилых людей, встречи молодежи, встречи абхазов и грузин во время пасхи, посещения кладбищ и др.²⁵

Вопрос о народной дипломатии глазами беженцев затронут также в другой статье Н.Сарджвеладзе, соавторами которого являются Дареджан Джавахишвили и Теймураз Сихарулидзе (все из *Фонда развития человеческих ресурсов*).²⁶

Марина Никурадзе (*Центр кросс-культурных и социологических исследований*) методом углубленного интервьюирования изучила личный опыт группы грузинских участников процесса народной дипломатии. Из десяти респондентов двое были перемещенными лицами из Абхазии, остальные – жителями Тбилиси. Некоторые из них, до того как ввязаться в этот процесс, практически, ничего не знали об абхазах. Как заявил один из опрошенных: «До этого они (абхазы – Г.А.) были врагами, а сейчас стали обыкновенными, нормальными людьми». В целом, у большинства участников отношение к абхазам изменилось к лучшему, и только у двоих респондентов – к худшему («слишком уж они агрессивные!»).

Почти все респонденты были единодушны в том, что переговоры, организованные третьей, нейтральной стороной более эффективны. Предпочтение отдавалось структурированным встречам по заранее определенному плану, и только один респондент ответил, что считает лучше, когда абхазы и грузины встречаются без медиаторов, а встреча не структурирована. Большинство опрошенных при этом считает, что рамки переговоров не должны быть очень жесткими, это мешает сближению. Большое значение придавалось искусству фасилитатора.

Отношение к народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте после своего опыта у всех изменилось в лучшую сторону. В промежутках между встречами в этой сфере наиболее активно продолжают свою деятельность респонденты, являющиеся членами НПО, занятых вопросами народной дипломатии, в рамках конкретных программ.

Результаты исследования выявили некоторые аспекты народной дипломатии, в направлении которых грузинской стороне следует направить свои усилия. Самыми важными из них являются: координация процесса, выработка ее стратегии и тактики, налаживание сотрудничества с представителями официальной дипломатии и журналистами, создание общественного мнения, благоприятствующего справедливому разрешению конфликта и информирование общественности о своей деятельности.²⁷

Во втором сборнике М.Никурадзе продолжает интервьюирование грузинских участников процесса народной дипломатии (опрошено 10 человек, все они встречались с абхазами более одного раза). Цель исследования – выяснить, в чем представители Грузии видят причины грузино-абхазского конфликта и насколько повлияли на их мнение встречи с абхазами. Ответы респондентов, по большому счёту, не отличаются от тех, какие могли бы дать большинство граждан Грузии, не принимавших участия во встречах по линии неформальной дипломатии. Т.е. причинами конфликта тут называются: разная историческая память абхазов и грузин; радикальность национальных движений грузин и абхазов; российский фактор; непримиримость политических элит; ввод грузинских войск в Абхазию; политика правительства Ардзинбы и др. Разница в том, что респонденты придают им разное значение в зарождении и развитии конфликта. Всё же, однако, в ответах чувствуется, что встречи и беседы с абхазами повышают у

грузинские знания некоторых моментов истории Абхазии (кроме одного респондента, представления, которого о конфликте, как пишет автор статьи, были «весьма поверхностными»)²⁸.

А.Инал-ипа поставила целью исследование причин малой эффективности народно-дипломатического процесса в грузино-абхазском конфликте. В ее статье приводятся результаты социологического опроса 104-х граждан Абхазии (в основном жителей Сухуми) по вопросу об отношении абхазского общества к народной дипломатии и о степени его информированности о ходе абхазо-грузинских встреч.

Данные опроса отразили низкую осведомленность населения Абхазии о текущем процессе неофициальной дипломатии. Из числа респондентов, знавших о существовании контактов с представителями грузинской стороны (24%), более половины имели в виду лишь афинскую встречу, проведенную по инициативе миссии ООН осенью 1998 года и весьма слабо связанную с процессом взаимодействия сторон на неправительственном уровне. Далее исследование показало, что опрошенные мало верят в возможности урегулирования конфликта средствами народной дипломатии (48%), но большинство все же считает народную дипломатию полезной для Абхазии (76%).

Вторая часть социологического исследования проводилась среди участников двусторонних народно-дипломатических контактов. Из числа опрошенных (9 человек) практически все заявили, что верят в народную дипломатию, но на второй вопрос, – приносит ли она ощутимый вклад в разрешение конфликта, – ответы чаще всего звучали так: «В какой-то мере».

Заключительная часть опроса была ориентирована на сотрудников различных НПО Абхазии. Каждого из 24-х респондентов просили выделить в порядке предпочтения приоритетные сферы деятельности (наука, образование, культура, малый бизнес, медицина, права человека, народная дипломатия и др.) для вложения средств, полученных от гипотетического фонда. Результаты опроса оценивались в баллы.

Оказалось, что сотрудники абхазских НПО самой неактуальной считают работу в области неофициальной дипломатии, получившей наименьшее количество баллов.²⁹

В целом, исследование А.Инал-ипа показывает, что современное общество недостаточно готово к миротворческой деятельности. По мнению Автора, эта неготовность обусловлена рядом причин, главные из которых следующие:

1. Исторические или идеологические причины, обусловленные влиянием особенностей преподавания истории в СССР, для которого было характерным затушевывание этнополитических аспектов межнациональных отношений и перенесение акцента на социальные конфликты. Соответственно среди широких кругов населения не было информации о возможности преодоления вражды и восстановления мирного сосуществования народов. Поэтому в случае грузино-абхазского конфликта противостояние с Грузией очень многими воспринимается как необратимая катастрофа.
2. Психологические причины, вызванные инерцией военного мышления. В народе трудно происходит трансформация мотивации от «нам нужна только победа» до «мир – самая большая ценность, которую мы должны делить со вчерашним врагом». Для рядового человека может быть привлекательным официально одобряемое проявление агрессивных инстинктов.
3. Стереотипы народных дипломатов (может быть вернее было бы сказать: «различных миротворцев»? – Г.А.), полагающих, что решение проблемы в механическом восстановлении довоенной обстановки.

4. Заинтересованность властей в процессе примирения. По мнению Автора, с чем трудно не согласиться, у народной дипломатии только тогда появляется шанс на успех, когда примирение становится желательным по политическим причинам. Все встречи организованные до того момента, несомненно, имеют смысл, но с точки зрения возможных политических последствий и влияния на общество преждевременны.³⁰

По мнению Г.Анчабадзе к настоящему времени в гражданском миротворческом процессе между Грузией и Абхазией приняло участие тахітит двести-триста человек, в основном представителей НПО-сектора. Для того чтобы встречи приняли более массовый характер, необходимо найти способ, чтобы люди встречались как-то и сами, без помощи посредников. Такую возможность он видит в «открытии» Абхазии (так он называет снятие экономических санкций и возобновление сквозного движения через территорию республики транспорта и грузов). Превращение Абхазии в евразийский транспортный «коридор» в немалой степени поможет восстановлению ее разрушенной экономики. Вместе с тем, в контексте «открытия» страны, Г.Анчабадзе рассматривает и вариант смягчения пограничного режима на р. Ингури, который должен облегчить общение между людьми, готовыми к диалогу и взаимным уступкам. Это, по мнению автора, может внести свой вклад в дело мирного урегулирования.³¹

Некоторые работы в сборниках посвящаются экологической теме в рамках народной дипломатии. Роман Дбар (*Экологическое общество «Ансабара»*) заостряет внимание на значении экологических проблем в современном мире. Его статья – это попытка ответить на вопрос, какое место может занимать экологическая тема в постконфликтном урегулировании для сближения позиций сторон и выработки мер доверия в фокусе неформальной дипломатии.³²

Вторая статья Р.Дбара посвящена проблемам расширения ресурсной базы переговорного процесса, трудностям и основам взаимопонимания, необходимости сближения позиций сторон для совместного решения экологических проблем и вопросов, имеющих взаимный интерес. По словам автора, к вопросам, требующим первоочередного совместного решения, относится подготовка соглашения по охране редких и исчезающих видов мигрирующих животных. Опыт послевоенных абхазо-грузинских отношений показывает, что в настоящее время это возможно только в рамках гражданской дипломатии.³³

Экологическую тему в народной дипломатии продолжает Шалва Джаошвили (*Институт динамики берегов*), предложивший проводить совместные экологические исследования. Приоритетной целью работ он называет спасение Черного моря, и осуществление полноценного мониторинга в ее восточной части. В дальнейшем необходимо увеличить ареал и объем работ и с улучшением общей ситуации проводить совместные экспедиции и тренинги.³⁴

Ряд статей, написанных абхазскими учеными, вводят читателя в необыкновенный мир абхазо-адыгских адатов и исторических преданий; история народной дипломатии и ораторства, традиционное правосознание, культура мира в абхазской традиции, традиционные формы примирения, обычное право как источник народной дипломатии, вот основные темы, которые освещают в своих статьях Марина Барцыц (*Абхазский институт гуманитарных исследований*)³⁵, Аслан Гуажба (*Абхазский государственный музей*)³⁶, Зураб Джапуа (*Абхазский институт гуманитарных исследований*)³⁷. Эти работы содержат ценные материалы, раскрывающие особенности национального

характера и нормативной культуры абхазского, а также, близкородственных ему адыгского и убыхского народов.

Во время обсуждения этих докладов Б.Кобахия отметил одну закономерность, что на встречах абхазы часто обращаются к историческому прошлому, фольклору, этнографическим материалам, а грузины в своих выступлениях всегда ориентируются на современную ситуацию.³⁸

По мнению Гоги Гвахария, в этих статьях – ностальгия по прошлому и традициям, и они напоминают ему статьи грузинских националистов, которые пишут об особой ментальности Грузии.³⁹ Его поддержал Лаша Бакрадзе, отметивший, что исторические традиции нам часто видятся слишком радужными. По словам Л.Бакрадзе «...с обеих сторон в этой (грузино-абхазской – Г.А.) войне было очень много вероломства. И для меня более интересно, почему происходило такое вероломство, чем как было бы хорошо, если бы все шло по традиции, и как бы мы тогда могли бы лучше друг с другом говорить. Если мы будем говорить о вероломстве грузин и абхазов, то, по-моему, больше будем знать друг о друге...».⁴⁰

На мой взгляд, представленные абхазскими учеными фольклорные материалы не заслуживают такого гиперкритического отношения, хотя бы потому, что большинство грузинских участников конференции, пожалуй, впервые получили возможность ознакомиться с историческими преданиями, раскрывающими духовную жизнь абхазо-адыгских народов. Далила Пилия, отвечая на позицию Г.Гвахария и Л.Бакрадзе, заметила: «...без учета национальной психологии и национального характера народная дипломатия, наверно, будет страдать, поскольку надо знать оппонента: каков его менталитет, какие у него устоявшиеся традиции».⁴¹

Впрочем, против соблазна примитивно копировать приемы народной дипломатии, засвидетельствованные в фольклорных произведениях, предостерегают и некоторые абхазские авторы. Многовековой опыт народных традиций частично и сегодня может быть использован в процессе миростроительства, однако при этом следует остерегаться упрощенческого подхода, как справедливо замечает в своей статье О.Дамения. «В первоизданном виде, в каком такой опыт исторически сложился и служил своему обществу, в наши дни использован быть не может: уж слишком большая разница во времени. Он должен быть специально изучен и критически переосмыслен с точки зрения современных реалий».⁴²

В том же ключе рассматривает устные предания о народных представителях-миротворцах и А.Инал-ипа. По ее мнению «При знакомстве с историческими свидетельствами об успешных примерах действия народной дипломатии в прошлом, возникает соблазн перенести в современность традиционные способы восстановления мирных взаимоотношений. Но мнение о том, что простое повторение традиционных приемов приведет к успеху, нам представляется ошибочным. Под использованием ценного опыта из прошлого часто понимают копирование внешней формы, которая в наше время может выглядеть только архаичной. Мы часто забываем о том, что участники исторических событий были очень современны для своего времени. И для того, чтобы быть похожими на своих предков в их лучшие моменты, мы тоже должны быть очень современны. Поэтому, изучая продуктивный опыт прошлого, очень важно выделить именно существенные, внутренние признаки успешной традиционной народной дипломатии, знание которых может быть полезно для современного народно-дипломатического процесса».⁴³

Часть авторов касается в своих статьях тех или иных конкретных примеров абхазо-грузинских встреч и переговоров на общественном уровне с 80-х годов XX века до

наших дней. Некоторые из них при этом делятся своим собственным миротворческим опытом.

Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии, до того как он перерос в военную фазу, предпринимались в основном отдельными представителями обеих сторон, выступавших обычно от имени появившихся в конце 80-х годов общественно-политических движений. Однако, к сожалению, очень мало тогда оказалось людей, готовых с полной отдачей заняться делом сохранения мира, которое тогда не имело международной поддержки, а общество, меньше чем сейчас понимало его значение. Недаром отмечает Ираклий Сургуладзе (*Институт истории и этнографии АН Грузии*), подразумевая, вероятно, определенные круги, что до кровопролития, заинтересованность в войне, видимо, была сильнее, чем желание найти оптимальное направление, соответствующее всем интересам обеих сторон.⁴⁴

Коротко о раннем периоде грузино-абхазских отношений в рамках неформальной дипломатии сообщают Н.Акаба, М.Гургулия, Л.Кварчелия и др. Н.Акаба, в частности, отмечает, что в период правления в Грузии З.Гамсахурдиа (1990-1991 гг.) грузинские и абхазские «неформалы», представляющие широко развернувшиеся в то время народные движения, встречались по собственной инициативе и пытались наладить конструктивный диалог. Войны, как известно, не удалось избежать и с началом боевых действий в 1992 г. народная дипломатия практически сошла на нет.⁴⁵ Л.Кварчелия, напротив, считает, что неформальные контакты не прекращались и после начала войны, имея в виду отдельные соглашения гуманитарного характера (обмен заложниками, выдача трупов и т.д.).⁴⁶ М.Гургулия вспоминает некоторые подробности из бурного периода конца 80-х годов, в частности, раскол Абхазского университета по национальному признаку (отделение грузинского сектора), приведший к первому вооруженному столкновению между абхазами и грузинами (15-16 июля 1989 г.), и безуспешные попытки части сотрудников университета, в том числе и автора статьи, содействовать началу конструктивного диалога.⁴⁷

Более подробно о довоенном этапе народной дипломатии пишет в специальной статье автор этих строк, рассказавший о своем 15-летнем опыте гражданских миротворческих инициатив (с 1984 по 1999 гг.). Г.Анчабадзе вспоминает как в период, предшествовавший грузино-абхазской войне, он самостоятельно или совместно с другими лицами старался предотвратить надвигающееся столкновение. Тесно связанный с обеими сторонами конфликта в 1989-1992 гг. Г.Анчабадзе был связывающим звеном между грузинскими и абхазскими политобъединениями. Он был единственным представителем грузинских политических организаций, кто был вхож в штаб-квартиру абхазского народного движения. В 1992 г. в знак протеста против ввода грузинских войск в Абхазию и начала там боевых действий Г.Анчабадзе ушел из политики, но продолжает участвовать в процессе гражданского миротворчества. Среди рассматриваемых в статье эпизодов можно отметить: борьбу автора (историка по профессии) за объективное изложение истории – одной из самых «взрывчатых» проблем грузино-абхазских взаимоотношений в середине 80-х гг.; публичные выступления в Тбилиси и Сухуми с целью воспрепятствовать разрастанию конфликта; организацию встреч между грузинскими и абхазскими политиками и «неформалами»; историю создания в Тбилиси накануне грузино-абхазской войны землячества выходцев из Абхазии и др. В статье приведены некоторые малоизвестные факты, предшествующие войне 1992-1993 гг.⁴⁸

Как известно, до недавнего времени разрешение конфликтных ситуаций в горах Кавказа было делом старейшин. В этом плане здесь был накоплен позитивный опыт и существовала древняя традиция (см. в материалах грузино-абхазской конференции указанные работы М.Барцыц, А.Гуажба, О.Дамения, З.Джапуа). Можно, конечно, спорить, каков будет эффект от использования этого опыта в современных условиях, но совершенно отбросить его со счетов – неправильно.

Чтобы задействовать этот ресурс построения мира, проф. Н.Сарджвеладзе с помощью международной организации “Help Age International” реализовал проект «Старейшины за построение мира в Грузии и Абхазии». В своей статье, посвященной опыту фасилитации первой встрече старейшин, Н.Сарджвеладзе называет два источника возникновения и разработки идеи этого проекта: 1) многочисленные беседы сотрудников возглавляемой им неправительственной организации «Фонд развития человеческих ресурсов» с вынужденно перемещенными лицами из Абхазии, в ходе осуществления долгосрочных программ по психосоциальной реабилитации и 2) грузино-абхазские встречи в рамках народной дипломатии, организованные Полой Гарб, т.е. настоящая постоянно действующая конференция.⁴⁹

Описанная в статье встреча старейшин (14 мужчин с обеих сторон в возрасте от 61 до 82 лет, причем абхазы представляли Совет старейшин Абхазии, а грузины – инициативную группу «Движение примирения») состоялась в г. Сочи в августе 1999 г. Фасилитировали ее Н.Сарджвеладзе и представитель «Центра гуманитарных программ» М.Гумба из Абхазии.

В первый рабочий день фасилитаторы предложили участникам встречи вести диалог по определенной схеме, согласно которой сначала каждый из них должен был представиться и вкратце обрисовать пройденный жизненный путь. Далее надо было обсудить мотивацию вовлеченности в движении за примирение, наметить долгосрочные и краткосрочные планы этого движения, представить свои предложения.

Каждый из старейшин довольно детально рассказал о пройденном жизненном пути, о горестях и обиде, войне и надеждах, о личных инициативах и усилиях по предотвращению грузино-абхазской войны, о своих опасениях и претензиях к противоположной стороне. Такая открытость и искренность в первый же день способствовали началу доверительного общения, тем более что многие из делегатов были знакомы друг с другом еще с довоенных времен. Однако необходимо учитывать и то, что война и ее последствия не обошли стороной, практически, ни одного из участников встречи. Трое из них потеряли во время войны своих сыновей.

На следующий день фасилитаторы предложили старейшинам обсудить краткосрочные и долгосрочные цели движения за примирение. Грузинская сторона была настроена завершить встречу принятием и подписанием документа, который бы свидетельствовал о ее результативности. Абхазы воздерживались от этого, делая акцент на неторопливое установление доверительных отношений без принятия какого-либо документа во время первой встречи. Были высказаны опасения, что если текст документа по каким-либо признакам не понравится общественности на той или другой стороне, то подписанты могут оказаться в неловком и трудном положении. Тогда фасилитаторы предложили старейшинам подумать над текстом, исходя из следующего принципа: «Пусть во время работы над общим документом грузины особо заботятся о безопасности абхазских участников диалога, а абхазы со своей стороны, пусть особенно позаботятся о безопасности грузинских коллег». Это сработало, и в течение последующих полутора дней было составлено заявление, под которым поставили свои подписи все участники встречи.

Основные положения этого заявления состоят в следующем:

1) продолжить начатый диалог и встречи, придав им регулярный характер;

2) разработать программу «От конфронтации – к миру и согласию». Главной целью Программы должна стать разработка предложений, рекомендаций и мер по снятию напряженности, устранению причин конфликта, восстановлению доверия и обеспечению мира и нормальных цивилизованных отношений между народами Грузии и Абхазии;

3) признать первоочередной задачей деятельности делегаций на ближайший период, до завершения разработки Программы, принятие необходимых мер, по недопущению фальсификации фактов истории и жизни абхазского и грузинского народов, разжиганию межнациональной розни и нетерпимости, унижению национального достоинства, проявлению других враждебных действий.

В заключение, оценивая, результаты встречи старейшин, Н.Сарджвеладзе пишет, что она достигла своей цели и «подтвердила тот факт, что старость – символ глубокого опыта и мудрости, а не болезни и беспомощности».⁵⁰

Сочинскую встречу старейшин в августе 1999 г. описывает в своей статье и один из активных ее участников, Давид Силагадзе (*Неправительственное общественное движение «Примирение»*). По его сообщению, несмотря на то, что почти все участники диалога знали друг друга по долголетней работе в общих трудовых коллективах и каждодневному общению между собой, понадобилось почти два дня для адаптирования и взаимного привыкания. Только на третий и четвертый день стало возможным узнавать в делегатах старых друзей-товарищей, настолько пролитая кровь, застывшие отношения и разрушенные и потухшие очаги наложили свой отпечаток на ход встречи. Но, в целом, и Д.Силагадзе считает, что встреча принесла положительные результаты, несмотря на то, что многие вопросы остались открытыми.

Неправительственная организация, которую возглавляет Автор (общественное движение «Примирение», зарегистрировавшееся как самостоятельный союз после сочинской встречи), в соответствии с предложением сочинского заявления, разработало проект программы «От конфронтации к миру и согласию». Этот проект содержит такие предложения, как объявить грузино-абхазскую конфронтацию, переросшую в военные действия, тягчайшим преступлением перед грузинским и абхазским народами, дать ей соответствующую оценку, а виновных призвать к ответу; в рамках народной дипломатии начать диалог о государственном устройстве и определении политического статуса Абхазии; подготовить общественное мнение к мысли, что все перемещенные лица должны достойно вернуться в свои дома и др. Программные задания большое внимание уделяет развитию процесса неформальной дипломатии и вовлечению в него новых групп населения.⁵¹

Таким образом, в материалах постоянно действующей грузино-абхазской конференции, организованной Калифорнийским университетом (г. Ирвайн) в 1999-2001 годах, вопросы неформального миротворчества занимают важное место. Темы народной дипломатии в той или иной степени коснулось большинство участников конференции, а многие авторы посвятили ее проблемам специальные статьи.

В этих работах исследованы различные аспекты неофициального гражданского миротворчества. В частности, такие, как роль народной дипломатии в разрешении конфликта, возможности народных традиций, экологии. Много внимания уделяется изучению отношения к народной дипломатии среди различных социально-политических групп населения (беженцы, военные, студенты, журналисты, сотрудники неправительственных структур и т.д.), а также обобщению результатов пройденного пути в гражданском миротворчестве.

Практически все участники конференции считают народную дипломатию важным инструментом урегулирования конфликта. Отмечается, что она в состоянии воздействовать на общественные настроения в сторону разрядки напряженности и разрушения «образа врага», без чего политическим соглашениям, даже достигнутым на высшем уровне, не суждено будет реализоваться на деле.

- ¹ П. Гарб. Предисловие // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Ирвайн, 1999. С.5.
- ² По моему мнению, вопрос, можно ли называть словом «дипломатия» частные миротворческие инициативы, осуществляемые нетрадиционными методами, не стоит того, чтобы ради него ломать копыя. Ведь ясно, что этот процесс никогда не заменит дипломатию в прямом значении и не может, также, претендовать на это. Но ввиду того, что неформальное миротворчество, как правило, имеет те же конечные цели, что и официальная дипломатия (т.е. урегулирование конфликтов мирным путем), а также развивается параллельно с ней, являясь вспомогательным средством миротворческого процесса в целом, я считаю, что для ее обозначения вполне допустимо применение термина «дипломатия», разумеется, в сочетании со словами «народная», «гражданская», «неформальная» или «нетрадиционная».
- ³ Г. Анчабадзе. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С. 17.
- ⁴ А. Инал-ипа. О причинах малой эффективности народно-дипломатического процесса в грузино-абхазском конфликте // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С. 168.
- ⁵ О. Дамениа. Народная дипломатия как феномен кавказской культуры: истоки и смысл // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.132.
- ⁶ А. Лепсая. Грузино-абхазский конфликт и деятельность неправительственных организаций: изучение накопленного опыта и возможные перспективы // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.201.
- ⁷ Н. Акаба. Конфликты нового времени // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.8-9.
- ⁸ А. Лепсая. Ситуация в Абхазии как модель замкнутого общества при наличии внешнего конфликта. Факторы, влияющие на урегулирование // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 4. Ирвайн, 2000. С.62.
- ⁹ Н. Акаба. Указ.соч. С.14.
- ¹⁰ Там же. С.15.
- ¹¹ Там же.
- ¹² П. Закареишвили. Успехи и проблемы неформальной дипломатии в общем процессе разрешения грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 2. Ирвайн, 2000. С.115.
- ¹³ Б. Кобахия. Различные уровни дипломатии (официальной и неофициальной) по преодолению абхазо-грузинского конфликта // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.192.
- ¹⁴ Л. Кварчелия. Неправительственные организации и народная дипломатия (на примере абхазо-грузинских взаимоотношений) // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.182.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ М. Гургулия. Народная дипломатия: реальность и иллюзии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.126.
- ¹⁷ Там же. С.128.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С.127.
- ²⁰ Б. Кобахия. Указ. соч. С.189.
- ²¹ Там же. С.189-190.
- ²² Л. Кварчелия. Указ. соч. С.178.
- ²³ М. Элбакидзе. Отношение к народной дипломатии (результаты социологического исследования) // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.247-264.
- ²⁴ М. Элбакидзе. Военные о роли народной дипломатии в трансформации абхазского конфликта (результаты социологического исследования) // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 2. С.143-152.
- ²⁵ Н. Сарджвеладзе. Народная дипломатия глазами грузинского беженца из Абхазии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.232-246.
- ²⁶ Н. Сарджвеладзе, Д. Джавахишвили, Т. Сихарулидзе. Беженцы о примирении, безопасности и возвращении в Абхазию // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 4. С.232-233 и др.
- ²⁷ М. Никурадзе. Народная дипломатия в грузино-абхазском конфликте: пути развития глазами участников // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.220-231.
- ²⁸ М. Никурадзе. В чем видит грузинская народная дипломатия причины грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 2. С.126-134.
- ²⁹ А. Инал-ипа. Там же. С.168-172.
- ³⁰ Там же. С.174-175.
- ³¹ Г. Анчабадзе. Базовые интересы Абхазии и Грузии: шаги к укреплению доверия // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 8. Ирвайн, 2002. С.138-142, 171-172.
- ³² Р. Дбар. Тема экологии в гражданской дипломатии на примере абхазо-грузинских поствоенных отношений // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.143-152.
- ³³ Р. Дбар. Ресурсы и трудности экологической темы в гражданской дипломатии (на примере абхазо-грузинских поствоенных отношений). Аспекты грузино-абхазского конфликта, 2. С.100-109.
- ³⁴ Ш. Джаошвили. Экологические проблемы восточной части Чёрного моря и их роль в народной дипломатии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.153-167.
- ³⁵ М. Барцыц. Выход из конфликта в традиционном правосознании абхазов // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.38-54; Она же. Культурно психологические традиции абхазов и конфликт // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 2. С.41-50; Она же. Из культуры мира в абхазской традиции // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 5. Ирвайн, 2001. С.58-69.

³⁶ А.Гуажба. Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.59-109; Он же. Народная дипломатия и ораторство на Кавказе (статья I) // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 2. С.66-82; Он же. Народная дипломатия и ораторство на Кавказе (статья II) // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 5. С.82-85, 279-296.

³⁷ З.Джапуа. Традиционные формы примирения в повествовательном фольклоре абхазов // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 5. С.51-58, 243-266.

³⁸ Диалоги // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 5. С.72.

³⁹ Там же. С.75.

⁴⁰ Там же. С.75-76. Под «вероломством» в данном случае, вероятно, подразумеваются преступления против человечности, нарушения законов и обычаев войны.

⁴¹ Там же. С.76.

⁴² О.Дамения. Указ.соч. С.135.

⁴³ А.Инал-ипа. Указ.соч. С.172-173.

⁴⁴ И.Сургуладзе. Возможная роль традиции в урегулировании грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 5. С.266.

⁴⁵ Н.Акаба. Указ.соч. С.14.

⁴⁶ Л.Кварчелия. Указ.соч. С.177.

⁴⁷ М.Гургулия. Указ.соч. С.115-116.

⁴⁸ Г.Анчабадзе. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. С.17-37.

⁴⁹ Н.Сарджвеладзе. Опыт фасилитации диалога старейшин Грузии и Абхазии // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 2. С.135.

⁵⁰ Там же. С.137-142.

⁵¹ Д.Силагадзе. Народная дипломатия в абхазском конфликте (из опыта неправительственного общественного движения «Примирение») // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 4. С.33-59.

Впервые напечатано в сборнике: Аспекты грузино-абхазского конфликта, 9.

Материалы грузино-абхазской конференции: «Первые итоги».

Москва – 4-8 июля 2002 г. Ирвайн, 2002